

Мой бессмертный полк...

В нашей семье воевали все мужчины. Мой дядя, Дмитрий Александрович Лестев, дивизионный комиссар, член военного совета, начальник Политуправления Западного фронта, прошедший школу войны и на Халхин-Голе и в финской кампании и погибший в 1941 году под Москвой. Мой отец, Михаил Лестев, директор школы, с 1942 года по 1944 был в действующей армии. Мой дядя, Всеволод Лестев, военный врач, попавший в плен в Белоруссии и переживший все ужасы фашистского плена с 1941 по 1945 год. Его жена, Елена Фёдоровна, лейтенант медицинской службы, служила в эвакогоспитале. Младший брат отца, Олег Лестев, военный врач, воевавший вместе с женой, медсестрой (кстати, участницей ещё финской кампании) Лестевой Людмилой Михайловной на южном фронте. Мой двоюродный брат, Адольф Леонидович Лестев, призванный в 1945 году, раненный в голову и умерший после войны. Мой дед со стороны матери, офицер И. Ф. Мельников, прошедший с 1941 по 1945 год от Воронежа до Берлина. Муж сестры моей матери, инженер, офицер Антонов А. И., закончивший войну в Праге. Младший брат матери, Мельников В. И., кадровый военный, воевавший с японцами на Дальнем Востоке...

И это только самые близкие мои родственники. Всех не перечислить.

В нашей семье был культ Дмитрия Александровича Лестева, память о котором увековечена в названии улиц в Москве, Долгоруково и селе Долгуша Липецкой области. Посвящённые ему стенды есть в Музее Советской армии, где хранится даже машина, на которой он объезжал фронты под Москвой в драматический 1941-й год, в Музее истории Москвы, Музее Обороны Москвы и на его родине – в Долгоруково Липецкой области. О нём написа-

ны сотни страниц в воспоминаниях военачальников – Жукова, Рокоссовского, Ерёменко и др., с ним встречались на передовой и позже писали о нём Шолохов, Симонов, Фадеев, Зигмунд Хирен, Ортенберг, Цезарь Солодарь – в то время военкоры. В 1942 году после его гибели на дороги войны вышел бронепоезд «Комиссар Лестев». Я тоже внесла свой вклад в увековечивание памяти Д. А. Лестева, систематизировав воспоминания о нём в книге «Путешествие по семейному архиву» (СПб, 2005).

Как же рождаются герои или как ими становятся?

Дмитрий родился 18 ноября 1904 года в деревне Скакун бывшей Воронежской губернии. Детство и молодые годы провел в селе Долгуше Долгоруковского района Орловской (ныне Липецкой) области, где учительствовали его отец, Лестев Александр Николаевич, и мать, Ольга Ильинична. Он был вторым из одиннадцати детей. Четверо детей умерли в детском возрасте, а семеро выросли при советской власти. Все окончили школу в Задонске и затем получили высшее образование. Был Дмитрий человеком бесстрашным, с обострённым чувством справедливости, всегда вступался

за слабых и обиженных. Бабушка рассказывала мне, что всегда волновалась, когда Дмитрий уходил «на улицу» (так назывались сельские гулянки), не зная, вернётся ли он оттуда, или его принесут. Драки между молодежью были жестокими.

В конце 1925 года Дмитрий был призван в армию. Начав действительную службу в Хамовнических казармах Москвы, он остаётся там примерно до 1930 года на сверхсрочной службе. В 1933 году Дмитрий был отозван на работу в политотдел воинской части в Рязань и оттуда в скором времени был направлен на учёбу в Ленинград в Военно-политическую академию. Начиная с Москвы, с ним постоянно находились жена и две дочери, Марина и Нина. В 1936 году после окончания академии Дмитрий Александрович получает назначение комиссаром полка в Читу, а примерно через год его переводят в Забайкальский военный округ начальником отдела пропаганды и агитации политотдела.

В 1936 году Дмитрий принимает участие в боях на Халхин-Голе. Очень смелый и даже отчаянный, он принимает там участие в одной инициативной вылазке. Хорошо справился с этой задачей и за отличие был удостоен высокой правительственной награды – ордена Красного Знамени. За безудержную, отчаянную храбрость японцы называли Дмитрия Александровича «русским самураем».

Через некоторое время в 1939 году Дмитрий был отозван в Москву, а затем проследовал в Латвию. В 1939 году Дмитрий Лестев был назначен заместителем начальника Ленинградского военного округа по политчасти и переехал с семьёй в Ленинград. В 1940 году, будучи комиссаром корпуса, он принимает участие в военных действиях против Финляндии. Это была очень трудная кампания. Наши вооружённые силы столкнулись с противником, широко использующим снайперов, лыжников, применяющих средства химической атаки. За участие в боях с белофиннами Дмитрий Александрович был награждён орденом Ленина.

После окончания финской войны Лестева назначают начальником Политуправления 8-ой армии в Таллин. Затем штабом армии он был переброшен в Митаву под Ригой, где продолжал службу. В это время ему удалось на два дня съездить к своим родителям в Долгушу. Он уже хорошо понимал, что война близка, и она будет долгой, о чём вспоминали позже его соседи. Перед самой войной его переводят в Минск начальником Политуправления Западного Особого военного округа.

Когда разразилась война, Дмитрий сразу же оказался в её пекле.

После войны в 1954 году к моему деду в Москве и отцу в Ленинграде обратился белорусский журналист и писатель Лазарь Львович Шапиро (1905 г. Гомель – 1991 Минск). В годы Великой Отечественной войны он был ответственным секретарём журнала «Фронт юмор» Политуправления Западного фронта (1941–1942), корреспондентом газеты «Сталинский патриот» (1942–1945), хорошо знал Дмитрия Александровича, поскольку два года служил в дивизии К.К. Рокоссовского, как он написал моему отцу. Ветеран ВОВ, он был награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями. Л. Шапиро, будучи сам политработником, собирал материал, чтобы создать книгу о Д.А. Лестеве.

В этой документальной повести Л. Шапиро предполагал также привести «... подробности бессмертного подвига второго героя моего (Л. Шапиро – Т. Л.) произведения, старшего политрука, Ивана Ивановича Мартынова. Этот синеглазый красавец, чудо-воин, прославился на финском фронте, а затем и на Западном. Будучи старшим инструктором комсомольского отдела Политуправления, он 29 июня 1941 г. прибыл в свою родную 100-ую ордена Ленина стрелковую дивизию, оборонявшую Минск под Острошицким городком, и в первом же бою сжёг фашистский танк. Ивану Мартынову принадлежит знаменитый клич, ставший потом девизом Западного фронта: “Коммунисты сильнее танка!”. Воспитанник и любимец Дмитрия Александровича, Иван Иванович Мартынов пал смертью храбрых 20 августа 1941 года в дни контрнаступления Конева. Мартынов, прибыв в часть, пошёл в бой в составе пулемётной роты. Когда погиб командир подразделения, его место занял Иван Мартынов. Он поднялся и бросился вперёд, увлекая за собой всю роту». (Из письма Л.Л. Шапиро Лестеву М.А. 03 июня 1955 г.)

Фотография И.И. Мартынова хранилась в архиве моего отца, я опубликовала её в книге «Путешествие по семейному архиву», а затем передала весь архив в Музеи Истории Москвы и Обороны Москвы. Когда я готовила этот материал, на «Сервере Воронеж on line» увидела воспоминания Григория Улаева «Из дневников и блокнотов военного корреспондента», где также шла речь об И.И. Мартынове.

«Политуправленцы сообщили, что погиб старший инструктор политуправления по комсомольской работе старший политрук Иван Иванович Мартынов. Деятельный политработник, мужественный боец, прекраснейший товарищ. Все, кто знал его, скорбят о нём, как о дорогом и близком человеке...

Иван Мартынов буквально стоял у меня перед глазами, хотя познакомились мы всего лишь месяц назад. Среднего роста, соборный, подтянутый, русоволосый и синеглазый, с орденом Красного Знамени на груди. «За финскую», – пояснил он, уловив на себе мой взгляд. Такой же орден за Отечественную ему ещё не вручили. В обращении с окружающими любил простоту. Он по-свойски предложил мне обосноваться на жительство в их палатке и уже на завтра принёс бутерброды для корреспондента, который замешкался на работе.

– А почему не дать о товарище некролог, если он того заслуживает? – не то спросил, не то предложил Сурков.

– Редактор не соглашается. Говорит, если обо всех погибших давать некрологи – газеты не хватит.

– На всех действительно не хватит. Но Мартынов-то Иван Иванович политуправленец – один. Я переговорю с редактором, – пообещал Алексей Сурков.

Посредничество его, однако, не дало положительного результата. Редактор не изменил свою позицию. И мне выговорил, якобы за организацию ходатаев.

Память о погибшем фронтовая газета всё же увековечила. 7 сентября, в Международный юношеский день, она опубликовала очерк «Комсомольский вожак Иван Мартынов», который написал его сослуживец и близкий друг, старший политрук Иван Панов.

– Очерк о Мартынове ты организовал? – спросил меня Алексей Сурков, прочитав газету.

– Я, – подтверждаю.

– Молодец, так даже лучше, чем опубликовать некролог. Дана картина героической гибели человека.

Этот диалог между нами произошёл уже неделю спустя после первого разговора о Мартынове».

Но возвращаюсь к письмам Л.Л. Шапиро. Излагая план книги, Л. Шапиро пишет 3 июня 1955 года: «Книга обязательно должна быть познавательной. В ней будут освещены ещё не использованные в нашей литературе факты и материалы (оборона Минска, выход из окружения группы генерал-лейтенанта Болдина, героизм пограничников, Ярцевская и Ельнинская операции, бессмертный подвиг сына белорусского народа Николая Гастелло, роль комиссара Лестева в политическом воспитании защитников Брестской крепости, контрнаступление Конева в августе 1941 года».

Когда я писала своё «Путешествие по семейному архиву», о защитниках Брестской крепости было написано уже практически всё. Но мне не удалось найти никаких сведений о роли Дмитрия Александровича в обороне этой крепости. К сожалению, в отрывке из повести, которую автор прислал моему отцу, об этом тоже ничего не было сказано. В 2019 году петербургский парламент организовал поездку для школьников в Брест, с ними ездила писательница и журналист Н.В. Ефремова, и я с ней передала в дар музею Брестской крепости свою книгу «Боль и память» с очерком о Дмитрие Лестеве.

Но вернёмся к письмам Л. Шапиро о событиях 1941 года в Минске. Продолжаю цитировать то же самое письмо. «В среде советских людей распространено мнение, что Минск был сдан немцам без всякого сопротивления. Это святая неправда! Город-воин мужественно обороняла сотая стрелковая дивизия. Здесь по примеру Мартынова бойцы бесстрашно встречали немецкие танки, забрасывали их бутылками с горючим. На боевом рубеже от Острошицкого городка до реки Волма (интересное совпадение у Волмы, в том же месте Советская Армия устроила немцам в 1944 году известный Минский «котёл») полки сотой дивизии уничтожили триста танков группы Гудериана. Об этом в своё время сообщалось в сводках Совинформбюро. Признавался в этом и сам Гудериан в своей книге «Воспоминания солдата». Описывая день за днём наступление на центральном фронте, Гудериан пытается завуалировать весьма неприятный для фашистского командования факт – потерю темпа движения. Высокий темп наступления (которого так добивалось командование немецкой армии) впервые был потерян под Минском. Видимо, книгу свою один из битых немецких генералов писал для американцев, показывая им, что хотя и потерпела поражение немецкая армия, но всё же она лучшая в мире, а в её неудачах виноват один Гитлер. Он игнорировал отличных генералов прусской школы. Послушай он их вовремя, и всё пошло бы иначе. И вот, этот в первые дни войны обескураженный, по-детски наивный генерал, смущённо лепечет: “28 и 29 июня 7-ая и 20-ая танковые дивизии стояли под Минском”.

Позволительно спросить, чего же они стояли целых два дня в то время, когда фашисты яростно рвались за Минск, на стратегический простор, когда их движение с немецкой точностью было рассчитано не только по часам, но и по минутам? Стояли они потому, что им двигаться не давали. Гудериан признаётся, что части

39 танкового корпуса вынуждены были ослабить (даже временно прекратить) наступление на Борисов и повернуть обратно. Таковы факты. Они достоверны, правдивы и важны, как большие исторические события, с которыми тесно связана жизнь моего героя».

В описываемое Л. Шапиро время герою его будущей повести пришлось собирать наши войска на реке Березине, чтобы как-то удерживать натиск врага. Дмитрий Александрович даже не успел вывезти из Минска жену и детей. К этому времени у него было три дочери – младшая Кира родилась в ноябре 1939 года, и ей было всего полтора года. Всё, что Дмитрий успел сделать – это послать шофёра с грузовой машиной, чтобы вывезти их из уже горящего и обстреливаемого немцами города.

Дни и ночи комиссар в подразделениях. Там, где обстановка усложнялась, всегда появлялся Лестев, вспоминал позже А.А. Фадеев. В 1942 году, беседуя с молодыми писателями, он сказал: «Моя встреча с Лестевым на фронте была короткой. Но такого человека не забудешь и после самой мимолетной встречи. Очень уж рельефны и неистоцимы в нем напластования духовных сил. И мы с Михаилом Александровичем Шолоховым ощутили это в первые же минуты беседы с Лестевым. А встретились с ним в крайне нелегкие дни боёв под Смоленском. Наши войска сдерживали натиск вражеских войск на дальних подступах к Москве. По несколько суток кряду не знал Лестев ни минуты отдыха. Его умные, пытливые глаза глубоко запали. Обрамлявшая их чернота говорила об испытаниях, выпавших на главного политработника фронта. Но говорил он с нами, да и со всеми окружающими, непринуждённо, то и дело пересыпая речь острыми, с лукавинкой словами. И сдержанность, за которой ощущался огромный темперамент, и сердечная щедрость прирождённого политработника, вселяли в людей гораздо больше веры в победу, нежели пышная, цветистая речь заправского оратора. Не сговариваясь, мы с Шолоховым решили: есть что-то в Лестеве фурмановское. До мозга костей большевик – вот каким был Лестев. Да ещё с яркими чертами интеллектуальной одарённости, с неиссякаемым запасом духовных сил».

Решительные, подчас суровые, подлинно большевистские действия Дмитрия Александровича запечатлел в своих военных дневниках и Константин Симонов. Он писал, что Д.А. Лестев был одним из тех, о ком в противоречивой обстановке войны самые разные люди неизменно вспоминали как о справедливом, храбром и прямом человеке и, характеризуя при этом его качества

политработника, часто употребляли слова: «Это был настоящий комиссар».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, сменивший в ту пору И. С. Конева на посту командующего Западным фронтом, пишет: «Хочется особо подчеркнуть ту большую роль, которую сыграл в налаживании политической работы в войсках начальник политического управления Западного фронта, замечательный коммунист и бесстрашный воин, дивизионный комиссар Д.А. Лестев».

Под Смоленском. Лето 1941 года.

Слева направо: первый слева – дивизионный комиссар Д.А. Лестев, рядом с ним – генерал-майор К.К. Рокоссовский, справа – полковник М.С. Малинин

Константин Симонов пишет в Долгоруковский музей: «Смерть настигла Лестева на боевом посту в то время, которое К.К. Рокоссовский впоследствии назвал самым тяжёлым в летописи подмосковных сражений».

18 ноября 1941 года в районе Кубинки комиссар Лестев находился в одной из дивизий 5 армии Западного фронта и проводил совещание с работниками штаба. В это время начался налёт вражеских самолётов. Совещание в штабе прервалось. Все поспешили укрыться в щелях, а Лестев только отмахнулся и, усевшись у окна, стал наблюдать, как наши зенитки ведут огонь по самолётам противника. Недалеко от дома разорвалась бомба, и осколок ударил Лестева в висок. Он умер в московском госпитале.

Похороны дивизионного комиссара Дмитрия Лестева состоялись в Москве 19 ноября 1941 года. Газета «Красная звезда» тогда писала: «Когда похоронная процессия с эскортом пехоты и кавалерии двинулась по улицам Москвы к крематорию, город вдруг замер по воздушной тревоге. Было нечто величественное в том,

что по безмолвному, опустевшему в эту минуту городу двигалась похоронная процессия. Загрохотали зенитки. Это был заодно и боевой салют отважному комиссару, герою Халхин-Гола и Финской войны, защитнику Москвы».

В том же номере газета опубликовала статью Лестева «Печатная пропаганда на фронте», написанную им за день до гибели. Подпись под статьей была обведена траурной рамкой. В ней он писал: «Москву мы отстоим, чего бы это нам ни стоило. Наши воины будут драться за каждую улицу, за каждый дом, но не пропустят фашистов к Москве. Мы опояшем её бронированным кулаком, оградим стеной штыков и пушек, эскарпов и рвов. На каждом шагу мы будем истреблять немцев. Подступы к Москве станут могилой для гитлеровских дивизий. Москва выстоит!».

Дмитрий Александрович Лестев не ошибся – Москву отстояли. Похоронен он на Новом Донском кладбище, в колумбарии второго бывшего главного здания крематория, в мемориале Великой Отечественной войны. На надгробии-захоронении – стихотворная эпитафия, сочинённая маршалом А.И. Ерёменко в память павшего боевого товарища, вместе с которым они воевали на Западном фронте трудным летом 1941 года:

В жестоких и грозных боях под Москвой
Ты шёл впереди, комиссар боевой
Ты жизнь свою отдал отчизне труда.
И слава твоя не умрёт никогда.

Третьим орденом, Великой Отечественной войны, Дмитрий Александрович Лестев был награждён в 1945 году. Посмертно.

Возвращаясь к письмам Л.Л. Шапиро: повесть о Д.А. Лестеве он, насколько мне известно, не написал. В 1957 году умер мой отец, и связь нашей семьи с политработником Шапиро прервалась. Его письма к отцу хранятся в архивах музеев Москвы. Где находятся ответные письма ему деда, отца, если они сохранились, неизвестно, но, может быть, они когда-нибудь всплывут в архиве Л.Л. Шапиро вместе с его недописанной повестью.

В нашей семье все поколения сохраняют память о родственниках – участниках ВОВ. На первой фотографии внук Дмитрия Александровича от его старшей дочери Марины – Константин Коржаневич (1949–2015), рядом его жена Татьяна Петровна с детьми – правнуками Д.А. – Константином и Олесей, на левом фото во втором ряду пра-правнучка Д.А., дочь Олеси – Василиса Воробьёва. Жив Дмитрий Лестев – внук Д.А. от Нины Дмитриевны – вто-

рой дочери Дмитрия, названный в честь своего героического деда. В Москве живёт с семьёй Александр Вавилов, внук от младшей дочери Д.А. – Киры. В 1968 году одна из улиц в Даниловском районе Москвы была названа улицей комиссара Лестева, в период перестройки слово «Комиссар» из названия улицы исчезло, но мемориальная доска сохранилась. На левой фотографии во втором ряду младшая внучка Дмитрия Александровича – москвичка Екатерина Вавилова с дочерьми Марией, Анастасией и Еленой, справа фото петербурженки Лестевой Натальи – внучатой племянницы Д.А. Лестева – с детьми Михаилом и Дмитрием – у мемориальной доски на улице Д.А. Лестева. Память о защитниках Родины передаётся из поколения в поколение.

Санкт-Петербург